

Евгений Платонов

Первая перепись часовен Санкт-Петербургской провинции 1734–1735 гг. и обстоятельства ее появления

Переписи деревенских часовен, появившиеся с конца XVII столетия как один из видов документов по учету церковного имущества или имущества, на которое претендовала церковь, содержат важнейшие материалы по истории народной культуры и позволяют исследовать ряд вопросов, связанных с взаимодействием клира и прихода, организацией сельских культовых мест в XVII–XIX вв., и общие вопросы народной религиозности. К настоящему времени известно не так много документов, в которых с большей или меньшей полнотой были бы представлены описания экстерьера и интерьера этих малых культовых построек, особенно для раннего времени (XVII–XVIII вв.), поэтому выявление и анализ каждой новой переписи представляют большой интерес для слабо обеспеченной источниками истории деревенских святынь северо-запада России. Как правило, составление переписей было связано с возникновением между церковью и населением епархии ряда конфликтов имущественного или религиозного характера, в связи с чем церковным иерархам требовались точные сведения относительно реального состояния дел на местах. Изучение предыстории составления списков часовен позволяет лучше понять состав и содержание этих документов, отвечающих на весьма конкретные, актуальные для того периода вопросы.

Евгений Викторович Платонов
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург
countrysite@gmail.com

Одна из таких переписей хранится в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270]. Она была составлена в 1734 г. и содержит информацию о 68-ми часовнях Копорского, Ямбургского, Шлиссельбургского и Кронштадтского уездов, а также о единичных часовнях в черте города, находившихся при различных военных и гражданских ведомствах, учреждениях и на рынках. Несмотря на небольшое количество часовен, упомянутых в переписи, этот документ можно назвать первой полной переписью часовен северо-западного региона, поскольку в нем приводятся сведения о часовнях всех уездов, составлявших в то время Санкт-Петербургскую провинцию и находившихся под юрисдикцией Санкт-Петербургского духовного правления.

Перепись 1734 г. является заключительным этапом в ряду событий, определивших отношение к деревенским святыням церковной и гражданской администрации. Как известно, в 1707–1734 гг. появился ряд указов, ограничивших постройку часовен и предписывавших уничтожать эти постройки в деревнях и городах. Указ Петра I 1707 г. и синодальный указ 1722 г. запрещали строить новые часовни и предлагали разобрать старые, «понеже во градах и селех обретается и кроме часовен довольно церквей, для славословия Божияго имени правильно созданных и посвященных» [ПСПр 1872: 156–157]. Иконы и часовенную утварь из часовен предписывалось отдавать монастырям и приходским церквам или церквам, нуждающимся в восстановлении.

Однако сопротивление выполнению указа было настолько сильным, что вскоре пришлось корректировать политику в отношении сельских почитаемых мест, чему способствовал доклад Холмогорского архиепископа Варнавы Волатковского (архиепископ в 1712–1730 гг.). В донесении, присланном в конце 1726 г., Варнава упоминал о большом количестве крестьянских просьб о возобновлении часовен, после чего решением Синода от 5 мая 1727 г. неразобренные постройки было приказано оставить, а «которые и разобраны, а будут просители, чтоб их паки возобновить и взятые из тех часовен святыи иконы отдать», разрешить выстроить вновь; рассмотрение этого вопроса передать в ведение епархиальных архиереев, а в синодальной области (к которой относились в то время и Санкт-Петербург «и при нем все новозавоеванные города и уезды» [Барсов 1897: 72–73]) — Духовной дикастерии, «не утруждая о том впредь Святейшего Синода» [ПСПр 1881: 551–552].

Возможно, этим компромиссом и закончилась бы попытка перемещения центра религиозной жизни крестьянства и городских обывателей в приходские церкви, если бы не события,

произошедшие несколькими годами позже в непосредственной близости от столицы. На территориях, находившихся в ведении Санкт-Петербургского духовного правления, особое внимание деревенским часовням было уделено после ряда инцидентов, которые случились в Ямбургском уезде и были связаны с яркими проявлениями религиозных обычаев финно-угорского населения края — води и ижоры.

21 сентября 1731 г. священник Никольской церкви Сойкинского погоста Афанасий Артемьев подал Константину Федорову, протопопу Ямбургского собора, донос, в котором описывал самостоятельные службы крестьян в часовне деревни Вазговичи (Валговичи) и жертвоприношения у крестов и камней, совершавшиеся жителями этой и окрестных деревень¹. Первоначально часовню было приказано разобрать, «протчее же истребить», но поскольку за своих крестьян вступился местный землевладелец, унтер-лейтенант Иван Сенявин, обещавший самостоятельно искоренить «суеверные молбища» и принудить крестьян ходить в церковь, новым приказом (от 9 июня 1732 г.) велено было провести более тщательное расследование в отношении благочестия крестьян, кресты отобрать и передать церкви, а камни уничтожить. Расследование показало широкое распространение «суеверий» в деревнях Ямбургского уезда (всего в опубликованных материалах дел упомянуты 17 деревень и еще одна — в определениях Синода [РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 66. Л. 49–50]), к которым были причислены жертвоприношения у часовен, камней, родников и крестов, а также самостоятельные службы в часовнях (см. карту и таблицу в приложении).

В последнем протоколе от 4 марта 1734 г. было приказано собрать сведения «о вышепоказанных часовнях, в коликом каждая имеется от церкви разстояния, и под чьим надзиранием содержатся, и кем построены, и давно ли, и с чьего позволения и для каковых подлинно благословенных нужд» [ПСПр 1898: 193]. Однако через три месяца задача сбора сведений о часовнях была уточнена и расширена указом императрицы Анны Иоанновны от 19 июня 1734 г., который относился уже ко всем часовням вообще, — «О воспрещении строить вместо обветшавших новые часовни <...> и о собрании по всей Империи сведений о старых часовнях» [ПСПр 1898: 227–228]. В нем также было дано распоряжение, «а сколько тех старых часовен, где и в каковых местех обретаются, и давно ли оныя, и по каким указом, и кем и чего для построены, — о том, учиня во всех местех обстоятельныя ведомости, для надлежащаго ныне

¹ Источники см.: [ПСПр 1890: 511–514; ПСПр 1898: 38–39, 169–172, 192–193]. Общее описание: [Лавров 2000: 133–148].

и впредь известия и справок прислать <...> в немедленном времени». Таким образом, к лету 1734 г. из-за ряда локальных инцидентов возникла необходимость в получении точных сведений о массовых культовых постройках в сельской местности и связанных с ними народных религиозных практиках, которые рассматривались в контексте «суеверий», т.е. требовали синодального вмешательства и ограничения¹.

Архивное дело предваряется печатным экземпляром именного указа 1734 г. и расписками священников в том, что они с ним ознакомлены, однако непосредственной причиной начала работы по сбору сведений, несомненно, была ситуация, сложившаяся в Ямбургском уезде. На это указывает структура описания приходскими священниками каждой часовни, включающая информацию, которая никак не была продиктована указом 19 июня 1734 г., но являлась прямым ответом на предыдущее мартовское распоряжение Священного Синода о проведении следствия. Все описания часовен Ямбургского и Копорского уездов построены однотипно: на чьей земле возведена, в какой деревне или на каком месте, когда была построена, по какой причине, далеко ли находится от церкви, какой праздник в ней празднуют, приносят ли в часовню пиво, режут ли около нее быков, баранов и кур, часто ли и усердно ходят жители деревни в приходскую церковь. Иногда эти сведения дополняются описанием икон часовни или указанием, что иконы приносят крестьяне из своих домов. Такое явное единообразие и широта интересовавших переписчиков сведений подразумевает, что священникам были даны конкретные инструкции по составлению сказок едва ли не самим Константином Федоровым, для которого вопрос суеверий в его деревнях был одним из основных на протяжении последних трех лет. Сведения о часовнях восточных территорий ограничиваются указанием места, времени постройки, посвящения и кратким описанием их функционирования (проведение молебнов, устройство у часовен кладбищ) [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 53–68 об.].

По хронологии сказки священников также делятся на две группы: донесения из Ямбургского и Копорского уездов составлялись с 22 июля по 6 сентября 1734 г. (расписка протопопа Константина Федорова о получении указа и сборе сказок датирована 18 октября 1734 г. [Там же. Л. 23–24], т.е. тем временем, когда все сведения были уже собраны); сведения о часовнях Шлиссельбургского уезда поступили в октябре 1734 г.; а из

¹ Не углубляясь здесь в исследование понятия «суеверие» для первой половины XVIII в. (см.: [Смилянская 2006]), можно привести в пример положение Духовного регламента, согласно которому Синод должен был следить, чтобы народ не впадал «в явное и стыдное идолослужение» [Духовный регламент 1761: 38].

Кронштадтского — только в июле следующего, 1735 г. Можно заключить, что в основу переписи были положены сведения различного происхождения: большая часть материала собрана священниками западной части Санкт-Петербургской провинции, несколько позже перепись была дополнена сведениями о часовнях восточных уездов. Преимущественным интересом к распространению «суеверий» среди финно-угорского населения новых присоединенных территорий можно объяснить и скудость описаний часовен восточной части: в них представлены единичные постройки. Кроме того, если священники восточных территорий провинции руководствовались указом императрицы, то в их задачу не входили ни сбор информации о суеверных обрядах, ни фиксация их существования.

Материалы переписи были учтены в середине XIX в. М.Ф. Архангельским и использовались им при составлении очерка истории Санкт-Петербургской епархии. Такой вывод позволяет сделать дословное цитирование переписи, несмотря на то что ссылки на источник отсутствуют [ИСС 1869: 25–26; ИСС 1871: 196–199]. Несомненно, что список часовен не полон: так, для Ямбургского уезда не указаны по крайней мере три часовни, известные по другим документам того же времени [ПСПр 1898: 193; РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 66. Л. 49–49 об.], для восточной части — две часовни, существовавшие с 1723 г. [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 10. Д. 1286. Л. 129]. Скорее всего, как показывает опыт изучения подобных переписей, не учтены часовни, расположенные на значительном удалении от населенных пунктов.

Расстояние до приходской церкви и время постройки — единственные данные, приведенные почти во всех описаниях. Часовни находились относительно недалеко от центра прихода: наибольшее количество построек было расположено в радиусе 3–5 верст от приходской церкви, что в целом соотносится с информацией иных списков часовен из других регионов.

Таблица 1

1 верста — 3 часовни	6 верст — 1 часовня	13 верст — 1 часовня
2 версты — 7 часовен	7 верст — 2 часовни	14 верст — 1 часовня
3 версты — 8 часовен	8 верст — 1 часовня	15 верст — 2 часовни
4 версты — 4 часовни	10 верст — 8 часовен	25, 27, 30, 37 и 40 верст —
5 верст — 9 часовен	12 верст — 4 часовни	по 1 часовне

Сведения о времени постройки часовен показывают следующую динамику: многие часовни провинции (почти треть) относились к XVII в., так как, по словам крестьян, были построены еще «при шведском владении». Далее, до 1728 г.,

количество часовен увеличивалось незначительно, а с 1728 г. (т.е. после указа 1727 г., разрешающего оставить старые часовни и восстанавливать разрушенные) количество новых построек резко возросло и до 1731 г. включительно, т.е. до времени обнаружения «суевренных» действий крестьян, оставалось 5–8 в год, после чего снова уменьшилось.

Таблица 2

XVII в. — 17	после 1722 г. — 1	1730 г. — 7	1733 г. — 2
1700-е гг. — 2	1728 г. — 7	1731 г. — 8	1734 г. — 1
1710-е гг. — 8	1729 г. — 5	1732 г. — 3	

Слабый контроль над часовенным строительством, характерный для всего синодального периода, подтверждается тем, что все часовни, отмеченные в переписи, были выстроены без соответствующего разрешения, а издавна существующие часовни не разбирались. Только три часовни были разобраны после указа 1722 г. и восстановлены позже (в деревне Подозванье и Новая Буря Копорского уезда и в деревне Уходы Ямбургского уезда). Остальных часовен кампания по борьбе с деревенскими святынями не коснулась, по крайней мере прямых указаний на уничтожение других построек нет. Иногда, словно бы в оправдание, священники указывали про иные часовни, что «молиться Богу ходили в ней до запрещения, а когда указы составили чтоб часовни разорять, то с того времени молиться во оную часовню и поныне не ходят» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 26]; или: «А молились до запрещения, а после заказу во оную часовню молиться не ходили» [Там же. Л. 31]. Указания на то, что со времени запретов службы в часовнях не проводятся, можно интерпретировать в том смысле, что службы не отправлял священник, для народных же практик часовни оставались открытыми все время их существования. Запрещение служить в часовнях отразилось в наметившейся практике проводить праздничные молебны в крестьянских домах, что отмечено для деревень Сырковицы и Уходы, относившихся к приходу Врудской Успенской церкви Ямбургского уезда («А для молебнаго пения в тот Николин день призывают в дом свой, да протчие праздники и в воскресные дни молиться приходят в церковь» [Там же. Л. 28]), пока, впрочем, не распространившейся широко.

Большинство часовен XVIII в. оказались построенными со «своего поизволу», «общего их крестьянского поизволения» или вследствие коллективного и частного обета. Самовольное возобновление часовен и постройка новых существенно

задевали интересы приходской церкви, в первую очередь в вопросе денежных поступлений. Священник церкви Успения Пресвятой Богородицы Копорского посада Иов Сидоров сетовал: «Токмо сии вышеописанные часовни как построили вновь, то весма народу меньше стало ходить к церкви, и хотя в них и суеверия непризнается, токмо о церкви и церковном строении не так радеет, а о часовнях оне весма радеют и попечение имеют и чинят их вновь, которые пообветшали и которые розобраны были» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 42]. Убыток наносило не только уменьшение подаваний, но и сокращение свечной продажи, которую рядом указов начала XVIII в. государство попыталось сосредоточить в руках клира.

Всего в переписи указаны пять различных причин возведения и существования часовен, не считая самой распространенной отписки: «А действо какое у них есть ли или нет, про то не знаю, и суеверия за ними в той часовни нивидывал» [Там же. Л. 41]. В общей сложности так охарактеризовано 38 часовен из 68: более чем о половине часовен священники не смогли сказать что-либо, кроме посвящения, расстояния и примерного времени постройки. Существовали часовни, в которые священнослужителей не приглашали вообще никогда, а сами священники не стремились проводить в них молебны, ограничиваясь службами в церкви. Про одну из отдаленных часовен Горского погоста в деревне Местаново, стоящую в 12 верстах от церкви, священник написал, оправдывая свое незнание, что «во оные часовне же никогда не бывали» [Там же. Л. 33 об.]. Такое положение вещей указывает на малое участие приходских священников в религиозной жизни своих деревень, что представляется общим явлением на большей территории епархии на протяжении всего XVIII столетия и позже.

Из остальных часовен 17 были построены для проведения похоронных обрядов, пять по обету, три ради «игр бесовских», рядом с тремя часовнями проводились ярмарки и две были поставлены по традиции, вместо старых («понеже на том месте бывали де у них часовни искони. Потом бывшая часовня на том месте згнила, то они новую часовню построили со своего поизволения» — о часовне в деревне Слепино Горского погоста Копорского уезда [Там же. Л. 31]). Кроме того, в часовнях проводились молебны в деревенские праздники, а в часовне Коваской мызы Горского погоста, отдаленной от церкви на 30 верст, кроме отпевания и похорон умерших крестили младенцев [Там же. Л. 34 об.]. Кладбища существовали около удаленных часовен, расположенных на расстоянии от 10 до 40 верст от приходской церкви, «понеже оная деревня стала за реками и болотами, и осенним временем и весною бывает

великое розлиание воды и грязи» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 39 об.]¹. Некоторые часовни были выстроены и на уже существовавших кладбищах, недалеко от церкви.

Довольно редко встречается объяснение, появившееся в первый раз в прошении унтер-лейтенанта Ивана Сенявина в ответ на указ разобрать часовню в деревне Валговичи, что в часовню ходят немощные и престарелые жители, которым трудно добираться в церковь в праздничные дни. Так, часовня в деревне Недоблицы (находившаяся от погоста всего в трех верстах) была построена «для того, что в том Ястребинском погосте церкви не было и в то время в той часовни молились, а как построили церковь, то ходили в погост, а которые дома оставались, те в той часовни молились же» [Там же. Л. 26 об.]. Возникновение часовни местные жители относили к временам шведского владычества — 30 лет назад и более.

Часовни в связи с ярмарками отмечены в деревнях Пярни и Красной Копорского уезда; третья же часовня, около которой происходил торг, располагалась в лесу на территории Дятлицкого погоста. Две последние часовни были достаточно старыми, построенными в XVII в.; в Пярне же часовня была выстроена в 1731 г., и в ней праздновался день перенесения мощей Николая Чудотворца, «токмо с тех пор, как священник перестал ездить, то к той ярманки народу мало стало збираться» [Там же. Л. 39]. Служба в старых часовнях продолжалась по-прежнему: в деревне Красной «в той часовне оных мучеников [Флора и Лавра. — *Е.П.*] устроен образ и в тот день как прежние священники, так поп Венедикт по отправлении в церкви литургии совершают в той часовне молебное пение» [Там же. Л. 13 об.]. В лесной часовне собирались в праздник пророка Илии, также проводя молебен после литургии. Запрет не повлиял на службу и собрание людей в этих местах, не сумев переломить традицию, но помешал возникновению новых ярмарок. В обеих ярмарочных часовнях находилось по одному образу, который соответствовал празднику.

В переписи только два раза упомянуты кресты, имевшие, как можно судить по воспоминаниям путешественников [Петрей 1997: 443], делам о суевериях и материальным свидетельствам [Панченко 2009], большое значение и распространение

¹ О деревне Керново, относившейся к приходу церкви Успения Богородицы Копорского посада. Здесь можно подозревать, что подобный ответ, не раз повторяющийся в переписи, был обусловлен ответом из Синода по одному из вопросов Константина Федорова, доносившего в 1733 г., что в его деревнях хоронят умерших «по коломищам», на что последовал указ «Мертвых тела погребать <...> от церквей в далних местах при часовнях с молитвословием разве таких, кому случайно быть может какая нужда, за превеликою дальностию, или за грязьми, и протчим пути неудобством» [ПСР 1898: 113].

в религиозной жизни деревень северо-запада. Один из крестов был поставлен незадолго до переписи, в 1732 г., в деревне Викаталы Шлиссельбургского уезда во имя Рождества Иоанна Предтечи для проведения перед крестом молебнов [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 54]. Второй крест, замененный ко времени переписи часовней, существовал в деревне Смолеговичах: «На котором месте и при шведком владении часовни бывали, крест был поставлен до его строения, потом[у] он, Митрофанов, и ставил [часовню. — *Е.П.*] на то смотря, во имя Иоанна Богослова» [Там же. Л. 27–27 об.]. Часовни и деревянные кресты, около которых проводились молебны, не только соседствовали друг с другом, но были синонимичными культовыми объектами, которые могли заменять друг друга в зависимости от конкретных обстоятельств.

В одном случае, в деревне Мышкино, отмечены две часовни: одна в поселении и одна «в коломищах <...>, которая построена в давних годах» [Там же. Л. 41]. Глухое упоминание этой единственной древней часовни заставляет еще раз усомниться в полноте сказок священников, поскольку, как было замечено выше, похороны в коломищах для этих мест были обычной практикой не только для жителей времен митрополита Макария, но и для первой трети XVIII в. [ПСПр 1898: 113]. Вероятно, часовня была включена в круг поминальных обрядов, которые проходили на жальниках (коломищах) повсеместно, и весьма сомнительно, что она была представлена лишь одной постройкой.

В целом часовни, в которых проходили бы регулярные молебны и отправления ежедневного правила, более характерны для города или пригородной местности, где жили прихожане, находившиеся на государственной, военной службе, т.е. волею обстоятельств оторванные от общинной среды со сложившимся укладом. По донесению священника Санкт-Петербургского гарнизонного полка Никиты Данилова, на Санкт-Петербургском острове «при полковой канцелярии обретается светлица, которую в том полку называют крестовой из давних лет, как еще оной полк сначала определен, а по какому указу та светлица строена и кем, того я неизвестен, толко в той светлице называемой крестовой исправлял я вечерни и утрени, а иногда и всенощная, и часы, и молебны, и крестины» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 16]. Такие же исключительно церковные службы, если верить донесению протопопа кронштадтского Андреевского собора Михаила Иоаннова, проходили в часовне в дворцовой деревне на Красной Горке, близ Ораниенбаума, которая была построена «тамошними всеми обывателями в 1713 году ради исправления вечерняго, и утренняго и молебнаго пения в двенадцатые праздники исправляемого от

прежде приезжающих священников» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 68], и в ряде других часовен.

К сожалению, именно по части «суеверных» крестьянских обрядов перепись довольно лаконична и бедна информацией. Описания отдельных «суеверий», совершавшихся в деревенских часовнях, по красочности и приведенным подробностям значительно уступают делам о «языческих жертвоприношениях» 1731–1734 гг. Внимание «суевериям» уделил только священник церкви Воздвижения Креста в погосте Ополье Ямбургского уезда Симеон Никитин. По его сообщению, в деревнях Лялицах, Литизне и Керстовской «часовни построены тех деревень жителями в прошедшем [1]730м году, а указ о построении оных часовен у них неимеется, пения божественного во оных часовнях не совершается, но токмо игры бесовския, в воскресныя дни и праздники господския, летнею порою при оных часовнях ввечеру собираются люди мужеску и женску полу и огни раскладывают, песни бесовския поют и пляшут, а в протчих деревнях в приходе моем хотя где часовен и неимеется, то в навечерии же праздников господских сходятся на буй и ту же бесовскую службу совершают, а к церкви божией не приходят» [Там же. Л. 49].

Другие сообщения о суевериях связаны с деревнями Копорского уезда — Горского и Удосольского погостов, а также с прихожанами церкви Успения в Копорье; все они сообщают о проведении крестьянами самостоятельных служб в часовне и приготовлении «брашинского» пива (см. карту и таблицу в приложении). В деревне Муховице Горского погоста «празднуют в день Николая Чудотворца и молятся без священника, и ладоном образа кадят, так же и люде по очереди, кто когда, из дома своего принесет, и пиво в тот Никол день¹ во оную часовню приносят и пьют, и в прочие воскресные дни и праздники молятся, а какое упование они на не возлагают, того незнаем, а иконы поставлены домовые и крестьянские, а содержат всею деревней» [Там же. Л. 32]. В деревне Руколицах того же погоста «празднуют в той часовне Преображение Господне, а образы те домовые крестьянские, и пиво принося в той часовне пьют, и умерших при той часовне для далнаго разстояния и грязи хоронят, а прочие суеверия при той часовни есть ли или нет, про то не знаем» [Там же. Л. 33]. В деревне Унутицах (Унотицы) часовня «построена тому как третий год тем ж обывателями, всею деревнею по согласию, вкупе, без указу, своеволно, для выносу на малое время умерших телес, и моления в господские праздники и в воскресные дни, которые к обедне

¹ Нехарактерное для русского населения название праздника «Никол день» может быть калькой с водского 'mikkula' — название праздников в честь Николая Чудотворца.

в церковь не пойдут, то приходя в ту часовню молятся, а особливо в день святого пророка Илии, отслушав святую литургию и пришед из церкви, в той часовне молятся и пиво пьют» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 43 об.].

При сравнении материалов переписи с материалами следственных дел заметна осторожность приходских священников при объявлении сведений о часовнях. В переписи часовен, поданной в Духовное правление, содержатся прямые расхождения с другими донесениями, тем более удивительные, что и те, и другие материалы предоставлены одним человеком, Григорием Прохоровым, священником церкви Николая Чудотворца Котелского погоста. Сведения о суевериях фигурируют в донесении ямбургского протопопы Константина Федорова, которое было подготовлено на основании подробных записок Григория Прохорова, составленных не позже зимы 1734 г., и представлено в Синоде в марте 1734 г. [ПСПр 1898: 192–193]. Три деревни из этого списка отмечены и в переписи: Пилово, Войносолово и Монастырь (Монастырьки).

Явные расхождения в описаниях одних и тех же деревень позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, в деревнях существовала развитая система праздников, часть из которых отмечалась в более или менее приближенной к церковному празднеству форме (молебен после литургии), а часть — без участия священника, общиной, в форме братчины в тех же самых часовнях. Во-вторых, священники, если и знали об этих вторых праздниках, граничащих с «суевериями» и «язычеством», то далеко не всегда готовы были предоставить такую информацию. В отчеты, которые готовились с перспективой дальнейшей передачи в Синод, попадали большей частью отнюдь не безобидные сведения, которые не давали повода для обвинений прихожан в «суевериях», а священника — в бездействии. О тех обычаях, которые вызывали тревогу, докладывалось непосредственному начальству, которое и должно было решить, как поступить в каждом случае. Этим же можно объяснить тот факт, что из описаний суеверий и проявлений неблагочестия, которые были отмечены в 1731–1734 гг. в 17 деревнях, в перепись часовен 1734 г. попало только три, при этом серьезно отредактированные до впечатления полной благонадежности. В переписи совершенно отсутствуют упоминания о часовнях в деревнях Васокора, Свиногово, Пески и Валговицы, где тоже были часовни [ПСПр 1898: 193], и о многочисленных крестах, как общих, так и частных, стоявших во дворах крестьян. Нежелание священников разглашать сведения о неподобающем поведении своей паствы можно объяснить не только возможными карательными мерами со стороны епархиального начальства, но и обоснованными опасениями угроз

со стороны прихожан. Так, священника Афанасия Артемьева, с доноса которого о «языческих» жертвоприношениях в деревне Валговичи в 1731 г. началась череда следствий, допросов и наказаний крестьян, пришлось перевести в Петербург, в церковь Иоанна Предтечи в Ямской слободе, поскольку «на него, попа, за то негодуют и похваляются везде бить, что де и збытся может» [РГИА Ф. 796. Оп. 209. Д. 56. Л. 150, 152 об.].

Таблица 3

	Март 1734 г. Константин Федоров, протопоп Ямбургского собора и Григорий Прохоров	Июль 1734 г. Григорий Прохоров
Пилово	[Е]сть часовня и при ней крест, к которому выносят из той часовни в день мученицы Анастасии ея образ и молятся, и у той часовни и у креста едят мяса, пироги и головы овечьи, а в постные дни рыбу, и пьют пиво; да к той же часовне приводят тоя ж деревни крестьяне, повсягодно, перед Ильиным днем, в воскресенье, корову и убивают, и, розрубя и разделя по частям, носят в дома свои и едят, и Богу в домех своих молятся [ПСПр 1898: 193].	[П]остроена после указу тому ныне четвертый год, понеже в том месте бывали часовни издревле, со своего их той деревни крестьянского произволения по обещанию на память Николая Чудотворца и содержат всюю деревней вкупе и в тот Николаев день и в протчии праздники и воскресные дни приходя в той часовне молятся и протчих действ при том молении никаких не чинят и суеверий в ней неимеется [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 45].
Войносолово	[И]меетца часовня, при которой крестов много, и приходя тоя деревни крестьяне молятся, а перед Ильиным днем, в воскресенье, приводят корову и убивают при той часовне и, розрубя и разделя, варят в домех своих, ядят и молятся в домех своих; да в той же деревне Войносолове имеются на дворах у всех крестьян, разве не во всяком дворе, кресты, только молятся ль, того де он поп сам не видал [ПСПр 1898: 193].	[П]остроена после указов тому ныне третий год по обещанию своему на память святых мученицы Варвары со своего их крестьянского произволения и содержат все вкупе для молбища в тот день и в протчие дни и праздники, а действ при том молбище их никаких не чинят и суеверия в ней неимеется [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 45 об.].
Монастырь	[И]меется часовня да три креста, и при них образ Николая чудотворца, празднуют в Николаев день [ПСПр 1898: 193].	[П]остроена после запрещения тому ныне шестой год по своему их крестьянскому произволению, по обещанию своему на праздник Рождества Пресвятыя Богородицы, понеже при той деревне издревле был монастырь и церковь, при которой и монахи бывали, и в тот праздник и в протчие воскресные дни и праздники приходя в той часовне молятся [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 46].

Посвящения часовен отмечены в 30 случаях; в контексте переписи можно говорить, что это «официальные» посвящения — те праздники, в которые к часовням призывался священник для службы молебна, другие крестьянские праздники не учитывались. Небольшое количество посвящений другим праздникам можно извлечь из материалов дел о «суевериях».

Таблица 4¹

Посвящения по переписи	Количество (всего 30 часовен)	«Суеверные» праздники по донесениям	Количество (всего 26 упоминаний)
Николая Чудотворца	8	Ильин день (и связанные с ним)	10
Ильи Пророка	4	Воздвижения Креста	5
Петра и Павла	3	Анастасии	3
Дмитрия	1	Петра и Павла	3
Рождества Иоанна Предтечи	1	Николая Чудотворца	1
Анастасии	1	Успения Божией Матери	1
Богоявления	1	Флора и Лавра	1
Варвары	1	Михаила Архангела	1
Воздвижения Креста	1	Филипповы заговенья	1
Георгия	1		
Иоанна Богослова	1		
Климента Папы Римского и Петра Александрийского	1		
Михаила Архангела	1		
Параскевы Пятницы	1		
Покрова и Михаила Архангела	1		
Преображения Господня	1		
Рождества Богородицы	1		
Флора и Лавра	1		

Посвящения часовен хронологически относятся к весенне-летнему периоду, тогда как «суеверные» действия производились в основном в летне-осенний или только в осенний (Ильин день традиционно считается началом осенних работ в крестьянском хозяйстве). Относительно частые празднования в Ильин день (четыре «официальных» и девять «суеверных», включая Ильинскую пятницу и воскресенье перед Ильиным днем) позволяют выделить его в своеобразный центр ритуального календаря для этих территорий. Подобное соотношение

¹ В таблице приведены посвящения часовен Копорского и Ямбургского уездов. С посвящениями часовен Шлиссельбургского уезда можно ознакомиться в приложении.

в официальных посвящениях, по-видимому, сохранялось на протяжении XVIII–XIX вв., поскольку во второй половине XIX в., согласно статистике клировых ведомостей Ямбургского уезда, большинство часовен были посвящены Николаю Чудотворцу (15), Илье Пророку (15) и Петру и Павлу (12). Особое почитание дней Петра и Павла, Ильи Пророка и Флора и Лавра, проведение братчин без чужаков, одной деревенской общиной, устойчивое деление праздников на две категории (церковные и братчины, на которых отсутствовал священник) было характерно для финского населения края, в первую очередь — води [Шлыгина 2003: 586–588, 612].

Карта ареала финноязычного населения в Санкт-Петербургской губернии, составленная на середину XIX в., позволяет отнести деревни, в которых проводилось следствие, к региону, заселенному водью и ижорой [Суни 2003: 471; Kurs 1994: 109–110]. Функции часовен западной части Санкт-Петербургской провинции формировались в среде полиэтничного населения с преобладающим финским субстратом, с включением в культуру местного населения водских и ижорских традиций. Несмотря на то что в протоколах Синода среди участников жертвоприношений и «суеверных» действий перечислены крестьяне с русскими именами (правда, наряду с сообщением, что «тоя страны люди все Ижора и Чудья» [ПСПр 1890: 512]), сама структура обрядов позволяет связать их с прибалтийско-финским населением края, на что обоснованно указывал А.С. Лавров [Лавров 2000: 139–140]. Русские имена могли принадлежать и водскому населению: вожане при крещении получали имена согласно святцам, но фигурировали они только в официальных бумагах (к каковым можно отнести и протоколы следствия), в быту же вожане использовали другие имена, производные от официальных [Шлыгина 2003: 580].

В том, что усилия церковных властей по изменению структуры праздников среди финно-угорского населения края не увенчались успехом, убеждает свидетельство Федора Осиповича Туманского, относящееся к концу XVIII в. В своем описании народностей Санкт-Петербургской губернии он, в частности, замечает: «Ямы¹ в день Илии пророка едят, собравшись около часовни вместе с попом, барана самого лучшего той деревни; сего барана берут старейшины из стада несмотря чей бы он ни был, и заплатят хозяину из общины 30 копеек, и кожу назад отдают, а барана варят и едят. Пищи сей достает токмо старейшинам, тогда за столом сидящим. Потом пьют пиво, которое

¹ Ямы, по определению Ф.О. Туманского, представляли отдельную народность, почти исчезнувшую к его времени, однако сами ямы идентифицировали себя с ижорой [ОР РНБ. Эм. 558. Туманский. Л. 83].

варится на общественном иждивении <...>. День Илии пророка празднуют в Орле, Манновке и Извозе, а в прочих [деревнях. — *Е.П.*] те дни, во имя которого святого посвящена часовня. Сии часовни на их языке называются *брашина* [курсив мой. — *Е.П.*]. Если часовня уничтожится, то сие место огораживают и сохраняют под именем брашины, и во время того дни тоже собираются и пьют. <...> Часовни, точно как и у русских, те же, и строятся при конце селений на возвышенном месте» [ОР РНБ. Эрм. 558. Туманский. Л. 84–84 об.].

Ничуть не изменились и праздники чудского населения края; мы могли бы встретить подобное описание в протоколах следственных дел: «К сему празднику [Флора и Лавра. — *Е.П.*] избирают в деревни одного человека порядочного, который в течение сего празднества именуется хозяин или перемиес: он собирает с каждого двора с души мужеска пола по капе <...> ячного солода и из онаго варят общественное пиво <...>. На сей же случай покупают из общественных денег корову или барана и варят к обеду. По окончании молебна и освящения лошадей все собираются в назначенную для сего празднества и вычищенную ригу, где есть церковь, а где часовня, там собираются на открытом воздухе около часовни, и в обоих случаях, сошедшись в часовне, находящимся тамо, а в риге поставленным на сей случай нарочно образам молятся и подносят трижды кружку с пивом, которое, как в том сомневаться нельзя, остается цело, ибо ни один образ не пьет. Пиво сие должно быть освящено от священника, и все притом молятся Хлару, да благословит сие их празднество, благословит их скот, землю и труды, да сохранит их здравых и невредимых» [ОР РНБ. Эрм. 558. Туманский. Л. 91].

Записи XIX — начала XX в., опубликованные М. Хаавио и относящиеся к этим землям, так же подробно рассказывают о братчинах на Ильин день, жертвоприношениях баранов у крестов и крестьянских праздниках в священных рощах [Haavio 1963: 128, 132–133], часть из которых, в контексте приведенных выше сведений Ф.О. Туманского, могут быть местами старых часовен. В обоих случаях важно указание на празднование братчины в риге, куда на время праздника приносили иконы и где хранилось праздничное пиво [Ibid.: 130], — ранее крестьянские иконы на время праздника точно так же приносили из домов в часовни (ср. о деревне Новая Буря Горского погоста: «Во оной часовне в тот Петров день приносят из домов своих пиво и тут пьют, а свечи всяк перед своей иконой затопляет» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 31 об.]). Обливание икон и крестов пивом, зафиксированное в деревнях Лужицы, Пески и др., семантически связано не столько с приведенным А.С. Лавровым примером окунания иконы в чан, чтобы пиво

лучше сварилось [Лавров 2000: 143], сколько с распространенным среди ижорян обычаем кропить пивом место проведения праздника и всех его участников [Haavio 1963: 90]. Часовня, равно как и рига, гумно, становится простым местом сбора общины, «братской избой», чему способствовали и канонические нормы, приравнивающие часовню к обычной постройке, дому.

Тем не менее вопрос о крестьянских службах и жертвоприношениях не так однозначен и не может решаться в категориях оппозиции православного и языческого богослужений, поскольку среди христианского населения разных стран жертвоприношения со стороны мирян и священников были достаточно распространенным явлением [Conybeare 1903: 82; Барабанов 2004: 89–113; Watkins 2004: 144]. В отличие от ближневосточной православной традиции, в которой существовало различное отношение к жертвоприношениям, что позволило им просуществовать до сегодняшнего дня, на Руси жертвы животных в летописях и поучениях с самого начала христианизации прочно связывались с не искорененным до конца язычеством и подвергались осуждению. В противоречии с такими книжными представлениями о жертвоприношениях оказываются многочисленные свидетельства о бытовании их в народной культуре XIX–XX вв., в частности на севере и северо-западе страны, а также об участии в общинных трапезах клира, с благословением мяса жертвенного животного и получением своей доли жертвы. Праздники с закланием баранов и быков, коллективными трапезами у церкви или часовни еще относительно недавно практиковались среди белозерских вепсов, при этом забой скота и приготовление праздничного стола происходило одновременно с литургией [Винокурова 2003: 444].

К попыткам ввести фактически существовавшие жертвоприношения среди христиан в церковное русло можно отнести появление в русских требниках молитвы на заклание скота (вар. «на заколение овна», «на заколение волу»), которая иногда вполне определенно именовалась «Молитвой над жертвою скота», известной также по греческим и южнославянским требникам. В славянском переводе эта молитва впервые отмечена в глаголическом Синайском евхологии XI в. [Nahtigal 1942: 33–34], близкие ей параллели существовали в греческих требниках и армянских чинах жертвоприношений [Conybeare 1903: 80]. В русской редакции до XVII в. она дошла практически без изменений. Молитва встречается в составе рукописных требников до XVII в. включительно, но в печатные требники она не вошла и, по-видимому, в XVII–XVIII вв. постепенно исчезла из практики. В ней в обмен на жертвуемое животное испрашивается благополучие и умножение стад,

принадлежащих жертвователям, точно так же, как и в других сельскохозяйственных молитвах, произносимых без кровавых жертв.

Приведем текст этой молитвы по русскому требнику: «Благословен Еси Господи Боже, благословивый жертву Авраамлю у дуба Мамврина и телца юна, и овна держима за рога в саду Савек <...>, приемый Захарьина каждения и Ильина всеплодия, сам, Владыко, прими жертву сию раб твоих (имярек) в воню благоухания, скоты их тучны сотвори, животворения их умножи, паствы их многогородны сотвори, входы их и исходы ангельскою Ти силою огради, яко да всегда всяк довол имущее, изобилуют в всяко дело благо и Тебе благоугодно» [ОР РНБ. Требник. Л. 259].

Справедливости ради надо заметить, что эта молитва не очень распространена и встречается относительно редко по сравнению с молитвами «Над всяким стадом» или «На благословение скота», которые были более популярными. Тем не менее необходимость подобного молитвословия могла возникать в ситуациях проявления неизжитых дохристианских обычаев, а включение его в требники — сугубо практические богослужебные книги — указывает на актуальность молитвы в ритуальной практике вплоть до XVII в. Возможно, некогда жертвоприношения финно-угорского населения края сопровождалась подобной молитвой и благословением священником жертвы.

Более очевидно участие священников в церемонии «пивных праздников»: помимо приведенного выше свидетельства Ф.О. Туманского об освящении пива у чуди, существуют этнографические данные XX в. о благословлении священниками пива у вожан, совершавшемся в часовнях [Västric 2008: 108]. Личным участием в освящении пива может объясняться осведомленность об этом ритуале священнослужителей в XVIII в. (см. таблицу в приложении). Не приходится сомневаться в том, что крестьяне при проведении праздника во многом копировали действия священника, на что указывает, к примеру, традиция кропления людей и скота водой, в которой были потушены свечные огарки [ПСПр 1890: 512]. Это действие есть не что иное, как подражание обряду освящения воды на Богоявление, который был распространен в русской церкви до середины XVII в.: Собор 1666–1667 гг. запретил такую практику [Прилуцкий 2000: 140–141]. Синкретизм православного богослужения и местных приходских обычаев с явным превалированием прибалтийско-финских элементов говорит о том, что в первой трети XVIII в. Духовное правление столкнулось здесь с традициями местного прибалтийско-финского православного населения, сложившимися к XVI — началу XVII в. или ранее.

Следствие по делу о «суевериях» закончилось наказаниями крестьян и отдельными попытками «искоренить» культовые места: камни сжечь или закопать, деревянные кресты уничтожить или передать в церковь, а крестьян бить плетью и обязать праздновать деревенские праздники иным образом. Однако в каком объеме это было выполнено, неизвестно. В качестве примера, который отражает суть обрядов и итоги следствия, можно привести отчет о наказаниях крестьян в деревне Крокол (Краколье), не опубликованный в ПСПР: «Ко дни святого Пророка Илии варили брашинское пиво, а варил де крестьянин Данила Макаров. И приходя в тот Ильин день в часовню, которая имеется при оной деревни, и били у камня барана, который имелся при дверях оной часовни огорожен перилами. И тот камень именовали Ильин, а бил барана один из них пущей заводчик Иван Васильев, который уже умре тому ныне третий год. И у того камня онаго барана зарезав, варили, и пиво, и пироги, и сыр, и масло принося, и помолившись, ели, и пиво пили. Да при той же деревни имеется крест деревянной старой гнилой, и у того креста праздновали в день Петра и Павла, и принося икону, и засветя свечу, молились, и пироги, сыр и масло принося, у того креста ели, и пиво пили, и на икону поливали, и по кусочку клали, а клал толко крестьянин Дементей Якимов один. И вышеозначенные де их молбища все искоренены, и камень прошлаго 1733 году декабря 16го дня весь созжен, а под опросом де о исповедях и причащениях оной деревни Крокол крестьян, расколу в них и церкви святой противоположностей никаких неимеется» [РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 66. Л. 49–49 об.].

Суммируя представленные исторические источники, можно сделать следующие выводы. В 1730-х гг. особый интерес к часовням и народным религиозным практикам был вызван ознакомлением Синода с прибалтийско-финскими традициями проведения праздников, которые были распространены среди населения недавно присоединенных территорий. В составленной тогда же переписи часовен провинции основное внимание было уделено «проблемным» ингерманландским территориям. Этот документ, по сути, является не только первой переписью часовен северо-запада России, но и первым источником, знающим нас с часовнями водского и ижорского населения края.

В отношении функционирования часовен можно говорить о сложившейся практике совместного использования часовен клиром и сельской общиной в широком спектре богослужения и внецерковных ритуалов, которые были укоренены в культуре православного прибалтийско-финского населения. Описания интерьеров многих часовен ограничены перечнем домовых

икон, либо указано, что иконы крестьяне приносят с собой, а часовня стоит пустая. Таким образом, часовня представляла собой в первую очередь особое помещение для разного рода окказиональных религиозных действий. Регулярные службы в часовнях проводились единожды в год, в местный деревенский праздник, в остальное же время крестьяне сами могли отмечать в них праздники в той форме, которая была привычной для конкретной общины, будь то приближенная к нормативной, допустимая служба мирскими людьми (часовенным старостой или главой общины) с чтением молитв и каждением ладаном или братчина с сопутствующими ей жертвоприношениями.

Сокращения

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Архивные материалы

ОР РНБ. F1—180. Требник. XVII в.

ОР РНБ. Эрмитажное собрание. Эрм. 558. Туманский Ф.О. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санктпетербургския губернии, включая народы и селения от времен древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями. 1789—1790 гг.

РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 56. Определения святейшего правительствующего Синода. Ноябрь 1733 г.

РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 66. Определения святейшего правительствующего Синода. Сентябрь 1734 г.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Санкт-Петербургское духовное правление. О нестроении вновь в городах, селах и других местах часовен. 20 июня 1734 г. — 7 января 1736 г.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 10. Д. 1286. Дело о часовнях Санкт-Петербургской епархии. 4 января 1808 г. — 12 августа 1810 г.

Библиография

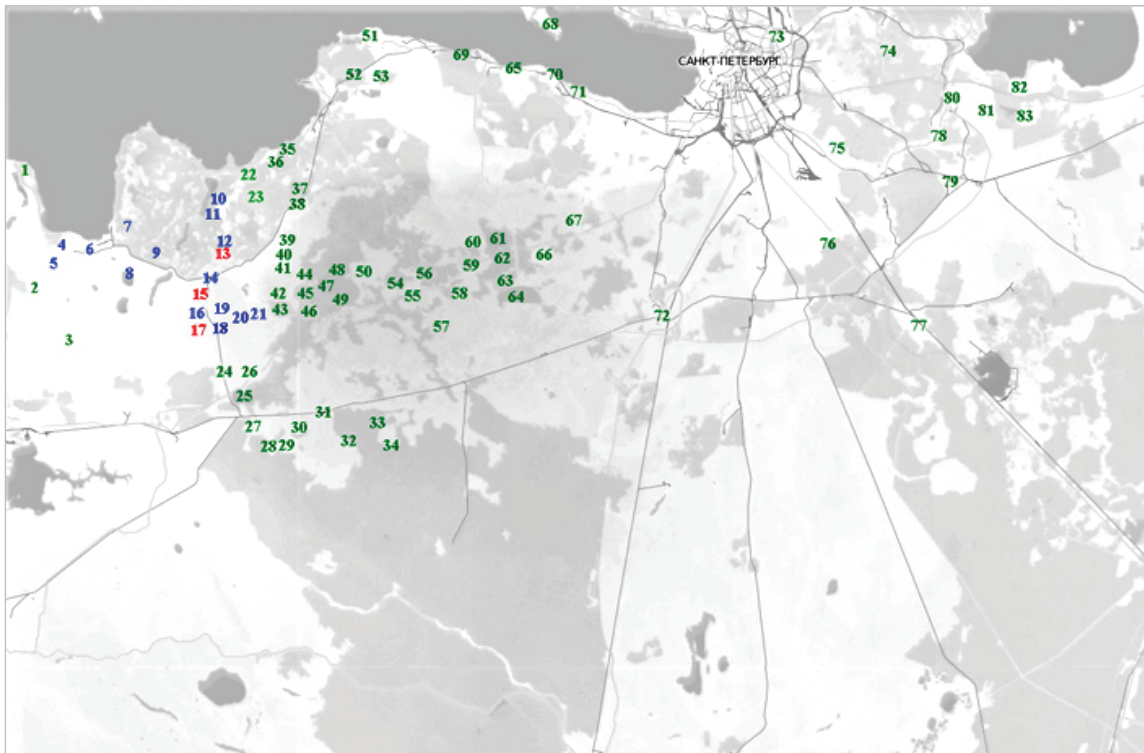
Барабанов Н. Благочестивые заклания. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // Византийский временник. 2004. № 63 (88). С. 89—113.

Барсов Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени. СПб.: Скоропеч. и лит. И.Ф. Пухира, 1897.

Винокурова И.Ю. Вепсы. Календарные праздники и обряды // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 437—448.

- [Духовный регламент] Регламент, или Устав Духовной коллегии. 6 изд. М.: Синодальная тип., 1761.
- [ИСС 1869] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Издание Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1869. Вып. 1.
- [ИСС 1871] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Издание Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. Вып. 2.
- Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740. М.: Древлехранилище, 2000.
- Панченко В.Б.* Ладожские деревянные кресты: неопубликованные материалы Н.И. Репникова из фотоархива ИИМК РАН // Староладожский сборник. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Селин. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 132–148.
- Петрей П.* История о Великом Княжестве Московском. М.: Рита-принт, 1997. (История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX).
- Прилуцкий В.* Частное богослужение в русской церкви в XVI и первой половине XVII в. М.: Крутицкое патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 2000. [Репр. изд.].
- [ПСПр 1872] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 2: Царствование государя императора Петра I. СПб.: Синод. тип., 1872.
- [ПСПр 1881] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 5: Царствование государыни императрицы Екатерины I. СПб.: Синод. тип., 1881.
- [ПСПр 1890] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 7: Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб.: Синод. тип., 1890.
- [ПСПр 1898] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 8: Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб.: Синод. тип., 1898.
- Смилянская Е.Б.* О концепте «суеверие» в России века Просвещения // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. (Studia Ethnologica. Вып. 3). С. 19–31.
- Сунд Л.В.* Финны-ингерманландцы: Исторический очерк // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 469–484.
- Шлыгина Н.В.* Водь. Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 579–583.

- Conybear F.C.* The Survival of Animal Sacrifices inside the Christian Church // *The American Journal of Theology*. 1903. Vol. 7. No. 1. P. 62–90.
- Haavio M.* Heilige Haine in Ingermanland. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1963. (Folklore Fellows Communications. No. 189).
- Kurs O.* Ingria: The Broken Landbridge between Estonia and Finland // *GeoJournal*. 1994. Vol. 33. No. 1. P. 107–113.
- Nahtigal R.* Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti, 1942. 2 del.
- Västric E.-H.* Votian Village Feasts in the Context of Russian Orthodoxy // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2008. Vol. 2. No. 1. P. 107–114.
- Watkins C.* “Folklore” and “Popular Religion” in Britain during the Middle Ages // *Folklore*. 2004. Vol. 115. No. 2. P. 140–150.

Карта часовен Санкт-Петербургской провинции по переписи 1734 г.

Зеленым цветом отмечены деревни, часовни в которых упомянуты в переписи;
 синим — деревни с местами жертвоприношений и «суеверий» по ПСПР и протоколам Синода;
 красным — деревни, часовни в которых упомянуты и в переписи, и ПСПР.
 Местоположение отдельных деревень указано условно.

1 — Липова-Каргалы, 2 — Куземина, 3 — Извоз, 4 — Пески, 5 — Крокол (Краколье), 6 — Лужицы, 7 — Костолова, 8 — Хаболово, 9 — Валговичи, 10 — Раково, 11 — Илмово, 12 — Васакара, 13 — Монастыри, 14 — Котел, 15 — Пумалицы, 16 — Раннола, 17 — Пилово, 18 — Войносолы, 19 — Руддила, 20 — Свинухово, 21 — Канбала, 22 — Устье, 23 — Мышкино, 24 — Керстово, 25 — Лялицы, 26 — Литизно, 27 — Именицы, 28 — Недоблицы, 29 — Рагуловы, 30 — Смолеговицы, 31 — Остроговицы, 32 — Сырковицы, 33 — Летошицы, 34 — Уходы, 35 — Пярни, 36 — Керново, 37 — Горбовская, 38 — Юрьево, 39 — Ивановская, 40 — Подмошье, 41 — Климотино, 42 — Уностицы, 43 — Систа, 44 — Гостилово, 45 — Подозванье, 46 — Ирогочи, 47 — Горка, 48 — Красная, 49 — Заозерье, 50 — Воронова, 51 — Карвалы, 52 — Калиши, 53 — Коваская мыза, 54 — Руколицы, 55 — Местаново, 56 — Забицы, 57 — Бегуницы, 58 — Слепино, 59 — Горки, 60 — Рудница, 61 — Новая Буря, 62 — Муховицы, 63 — Модолицы, 64 — Илисина (?), 65 — Бронная, 66 — в лесу, 67 — Комарицы, 68 — Кронштадт, вне града, 69 — Красная Горка, 70 — Мартышкино, 71 — Петергоф, на кладбище, 72 — Систа, 73 — Колтуши, 74 — на речке Жарковке, 75 — в Рыбачьей слободе, 76 — Федоровская, 77 — Саблино, 78 — на устье р. Мги, 79 — Кашира, 80 — Дубовик, 81 — Койгола, 82 — Путилово, 83 — Викаталы

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Сводные сведения о часовнях Санкт-Петербургской провинции по переписи 1734–1735 гг.

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Место-положение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Копорский	Александра Невского при Ижорском устье	Федоровская	15			1710-е гг.	Николая Чудотворца		Герасим Стефанов, крестьянин		
Копорский	Благовещения в Ропше	Горка	2			XVII в.	службы никогда не имеется	ветхие иконы			
Копорский	Благовещения в Ропше	Красная	6		ярмарка	XVII в.	Флор и Лавр	образ Флора и Лавра			
Копорский	Гатчинского погоста	Систа	3		для выносу мертвых и молитвы	1731 г.			всею деревнею		о церкви радеют
Копорский	Горский погост	Бегуницы	10		похороны умерших	XVII в.	Михаила Архангела и прочие праздники				
Копорский	Горский погост	Воронова	10	в поле		1710-е гг.					
Копорский	Горский погост	Горки	1			1728 г.	Николая Чудотворца	иконы домовые			
Копорский	Горский погост	Забицы	10			1729 г.	Дмитрия				помалу ходят

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Местоположение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Копорский	Горский погост	Коваская мыза	30		крестьян младенцев и хоронят умерших	1670-е гг.	Воздвижение Креста	иконы домовые		+	
Копорский	Горский погост	Местаново	12	на месте старой часовни		1728 г. или позже					
Копорский	Горский погост	Модолицы	5			XVII в.			обывателями		
Копорский	Горский погост	Муховица	4			1728 г.	Николая Чудотворца	иконы домовые		+	
Копорский	Горский погост	Новая Буря	5	на месте ветхой часовни		1728 г.	Петра и Павла	домовые образы, 2 лампадки, образ Петра и Павла	всею деревнею	+	
Копорский	Горский погост	Рудница	7			1670-е гг.					
Копорский	Горский погост	Руколицы	15		при часовне хоронят умерших	XVII в.	Преображение Господне	иконы домовые		+	
Копорский	Горский погост	Слепино	2	на месте сгнившей часовни	искони тут были часовни	1728 г.		стоит пустая			
Копорский	Дятлицкий погост		3	в лесу	ярмарка	XVII в.	Ильи пророка	икона Ильи			

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Местоположение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Копорский	Дятлицкий погост	Илисина (?)	5			XVII в.					
Копорский	Дятлицкий погост	Комарицы	5			XVII в.	Покрова и Михаила Архангела				ходят по воскресеньям
Копорский	Котелского погоста	Войносолы	4		по обету	1731 г.	Варвары		крестьяне		
Копорский	Котелского погоста	Монастыри	5	был монастырь	по обету	1728 г.	Рождества Богородицы				почасту
Копорский	Котелского погоста	Пилово	7		по обету	1730 г.	Николая Чудотворца				
Копорский	Удосольский погост	Унутицы	2		для выносу мертвых и моления	1731 г.	Ильи		всею деревней	+	неленостно
Копорский	Успения в Копорье	Горбовская	8			XVII в.		стоит пустая			леностно
Копорский	Успения в Копорье	Гостилово	3			1730 г.	Климента папы Римского и Петра Александрийского			+	
Копорский	Успения в Копорье	Заозерье	10			XVII в.	Богоявления			+	леностно
Копорский	Успения в Копорье	Ивановская	2			1729 г.	Петра и Павла		обывателями	+	ходят

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Местоположение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Копорский	Успения в Копорье	Ирогощи	5		для выносу мертвых и моления	1729 г.					ходят
Копорский	Успения в Копорье	Калищи	27		для выносу мертвых и моления	1710-е гг.			обывателями		не часто
Копорский	Успения в Копорье	Карвалы	37		похороны умерших	1710-е гг.			обывателями		очень редко
Копорский	Успения в Копорье	Керново	10		для выносу мертвых и моления	1729 г.	Николая Чудотворца			+	мало
Копорский	Успения в Копорье	Климотино	4		для выносу мертвых и моления	1730 г.			обывателями		
Копорский	Успения в Копорье	Мышкино	14	две часовни, одна — в коломишах	для молитвы в господские праздники и воскресные дни	XVII в.					леностно
Копорский	Успения в Копорье	Подмошье	3	издревле в том месте бывала		1700-е гг.	Георгия и прочие праздники		обывателями		
Копорский	Успения в Копорье	Подозванье	2			после 1722 г.					ходят

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Местоположение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Копорский	Успения в Копорье	Пярни	13		ярмарка	1731 г.	Перенесение мощей св. Николая		всеми крестьянами	+	мало
Копорский	Успения в Копорье	Систа	10		для выносу мертвых и моления	XVII в.			обывателями		редко
Копорский	Успения в Копорье	Устье	25		умершие погребаются	XVII в.	Николая Чудотворца		обывателями	+	редко
Копорский	Успения в Копорье	Юрьево	2		для выносу мертвых и моления	1731 г.	Параскевы		Максим Васильев		
Копорский (?)	Знамени в Петергофе		1	на кладбище							
Кронштадтский		Бронная, мыза				1730 г.			Иоанн Антонов		
Кронштадтский	Андреевского собора	вне града			погребение странников						
Кронштадтский		Маргышкино		при кирпичных заводах	погребение умерших						
Кронштадтский	Пантелеймона в Ораниенбауме	Боровина (?)		на Красной горке	молитва и погребение телес	1713 г.					
Шлиссельбургский	Петра и Павла в Колтушах		12	на речке Жарковке			Николая Чудотворца	службы не бывает			

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Местоположение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Шлиссельбургский	Петра и Павла в Колтушах	Колтуши						образа вынесены во вновь построенную церковь, службы не бывает			
Шлиссельбургский	села Путилова Тихвинской церкви	Викаталы				1732 г.	Рождества Иоанна Предтечи	построен крест	крестьяне		
Шлиссельбургский	села Путилова Тихвинской церкви	Путилово				1731 г.	Казанской Б. М.		крестьяне		
Шлиссельбургский	Села Успенского	Кашира			по обету	1731 г.	Дмитрия		посадский Василий Никитин Орлов		
Шлиссельбургский	Села Успенского	Койгола			по обету	1733 г.	Покрова Б. М.				
Шлиссельбургский	Села Успенского	на устье Мги				1734 г.	Александра Свирского				
Шлиссельбургский	соборной церкви Благовещения	Дубовик	12			1732 г.	Петра и Павла		крестьянин		

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Местоположение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Шлиссельбургский	Никольская при Тосненских каменоломных заводов	в Рыбацкой слободе				1729 г.	Казанской Б. М.				
Шлиссельбургский	Никольская при Тосненских каменоломных заводов	Саблино		на дороге		1733 г.	Николая Чудотворца		маркитан		
Ямбургский	Врудской Успенской церкви	Летошицы	3				Анастасии	стоит пустая	крестьяне		ходят безленостно
Ямбургский	Врудской Успенской церкви	Остроговицы	10			1710-е гг.		стоит пустая			ходят хорошо
Ямбургский	Врудской Успенской церкви	Сырковицы	12		для выносу умерших	1710-е гг.	Николая Чудотворца	домовые и крестьянские образы	всеми крестьянами		ходят во все праздники, кроме Николая
Ямбургский	Врудской Успенской церкви	Уходы	5		на том месте изстари были часовни	1728 г. и ранее	Рождество Иоанна Предтечи		всеми крестьянами		
Ямбургский	Кейкинского погоста	Извоз	4	издревле бывали часовни		1731 г.	Ильи пророка				
Ямбургский	Кейкинского погоста	Куземиной	10			1728 г.	Петра и Павла				

Уезд	Церкви	Деревни	Расстояние от церкви (версты)	Местоположение	Повод постройки	Время постройки	Праздник / посвящение	Интерьер	Кто строил	Пиво варят	В церковь ходят
Ямбургский	Кейкинского погоста	Липова-Каргалы	40		похороны умерших		Ильи пророка				
Ямбургский	Николаевской в Ястребино	Именицы	3			XVII в.	стоит пустой	стоит впусе			
Ямбургский	Николаевской в Ястребино	Недоблицы	3		построена до церкви для молитвы	1700-е гг.		домашние образы	всею деревнею		
Ямбургский	Николаевской в Ястребино	Рагуловы	1			XVII в.		стоит пустая			
Ямбургский	Николаевской в Ястребино	Смолеговицы	5	на месте деревянного креста		1710-е гг.	Иоанна Богослова		приказчик Афанасий Митрофанов		по все дни праздников
Ямбургский	Ополье пог.	Керстово	5		игры бесовские	1730 г.					не приходят
Ямбургский	Ополье пог.	Литизно	4		игры бесовские	1730 г.					не приходят
Ямбургский	Ополье пог.	Лялицы	2		игры бесовские	1730 г.					не приходят